

отъ всей этой картины—такъ и пахнуло старинной „барской жизнью“. Исключая рубашки Л. Н., все, все—по ста-рому, начиная съ винъ и красивой разрисованной посуды, кончая *двумя лакеями*, „съ пуговками“.

Разматривая это изображеніе мы увидали подъ нимъ карандашомъ сдѣланную надпись, которая гласила слѣдую-щее:

Барская жизнь!
Славная жизнь!
„Я тебѣ не измѣнилъ,
Хотя костюмъ пере-мѣнилъ“.

И мы должны были съ грустью замѣтить, что и намъ (хотя въ другой формѣ) пришла такая же мысль, какъ и этому забавляющему шутнику.

И вспомнилось одно Толстовское курьезное выраженіе: (Въ чёмъ моя вѣра—218). Теперь не могу уже *не стафаться* (!) избавиться отъ своего богатства“ (это было написано въ 1883 году). Одно, что можно замѣтить, что онъ дѣйстви-тельно долго старается.

И это *непроповедание* въ жизни того, во что повѣрилъ и не дало Толстому понять, что онъ не только не нашелъ Истины, но стоитъ на неправильномъ пути. Ибо только *жизнь* указываетъ ошибки, а не теоріи.

И это есть его вторая Неправда.

И С Т И Н А.

(„О жизни“ стр. 58). „Если же для человѣка возможно знаніе того разумнаго закона, которому должна быть под-чинена его жизнь, то очевидно, что познаніе этого закона разума онъ нигдѣ не можетъ почерпнуть, кромѣ какъ тамъ, где онъ и открытъ ему: *въ своемъ разумномъ сознаніи*“.

Вѣрно ли это? И возможно ли познавать Истину или что либо другое *чрезъ разумъ*?

Толстой говоритъ, что Христосъ не умножалъ хлѣба и рыбы для накормленія народа.

Почему?

Потому, говоритъ онъ, что я не понимаю, какъ это можно сдѣлать.

Значитъ, въ катехизисѣ о „вѣрѣ въ разумъ“ нужно по-ставить: „*все, что я, Толстой, не понимаю—того нѣтъ*“?